

ШУЙ ЖУ ТЯНЬ-ЭР

18+

# Зимняя Геймификация

том I

**Шуй Жу Тянь-Эр**  
**Зимняя бегония. Том 1**  
Серия «Young Adult.  
Лучшие азиатские новеллы»  
Серия «Зимняя бегония», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70902334](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70902334)  
Зимняя бегония. Том 1: Эксмо; Москва; 2024  
ISBN 978-5-04-207631-2*

### **Аннотация**

Жемчужина среди новелл азиатской литературы!

«Зимняя бегония» – красочная китайская историческая драма, чарующая атмосфера традиционной пекинской оперы, неподражаемый яркий антураж и ода любви к искусству.

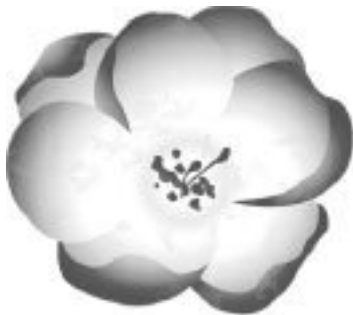
История, которая мгновенно стала хитом не только на родине в Китае, но и по всему миру. Новелла полюбилась в интернете миллионам читателей и была издана большим тиражом на бумаге, а также получила одноименную экранизацию, вышедшую в 2020 году.

На обложке и суперобложке изображения от талантливой художницы КАТИКО. Историю также дополняют три внутренние иллюстрации с главными героями книги.

Для поклонников «Благословения небожителей», «Основателя Темного Пути», «Система Спаси-Себя-Сам для Главного Злодея» Мосян Тунсю, «Тысячи осеней» Мэн Сиши и «Восхождения фениксов» Тянься Гуйюань.

# Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54



# Шуй Жу Тянь-эр Зимняя бегония. Том 1

Published originally under the title of#####  
(Winter Begonia)

Author © ##### (Shui Ru Tian Er)

Russian Edition rights under license granted by #####  
c/o Jumo Culture Media Co., Ltd

Russian Edition copyright © 2024 Eksmo Publishing House  
arranged through JS Agency Co., Ltd.

All rights reserved

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Phoebe Yu / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Фейгина Е., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

# Глава 1



Чэн Фэнтай был наслышан о Шан Сижуне уже давно. Шан Сижун, владелец труппы «Шуйюнь»<sup>1</sup>, считался од-

---

<sup>1</sup> Труппа «Шуйюнь» (ит. ###) – досл. «терем Водяных облаков». В Китае сло-

ним из самых именитых артистов китайской оперы и исполнял как амплуа хуадань<sup>2</sup>, молодой кокетки, так и девиц в скромных одеждах<sup>3</sup>. Превозносящие Шан Сижую театралы окружали его словно бесчисленные звёзды в ночном небе: если бы они, выстроившись в кольцо, прижались друг к другу, то обогнули бы Бэйпин<sup>4</sup> двести раз; а сам Шан Сижуй, подобно ледяному месяцу посреди небесного океана, воспарил бы над ними высоко-высоко, озаряя всё вокруг холодным серебристым сиянием – видимый, но недостижимый.

Если же вы пожелаете узнать, так ли хорошо поёт Шан Сижуй, то жители Бэйпина непременно сошлются на Нин Цюлана, служившего в придворном театре, его в своё время обожала вдовствующая императрица Цыси<sup>5</sup>. Шан Сижуй с труппой «Шуйюнь» прибыл в Бэйпин, и стоило ему дать всего три представления, как слава о нём тут же разлетелась по городу. Нин Цюлан, привлечённый громким именем Шан Сижую, послушав «Космический клинок»<sup>6</sup> в его исполнении,

---

вом # обозначаются места для увеселений и развлечений.

<sup>2</sup> Из-за запрета, наложенного императором Цяньлуном в 1772 году, практически все роли в китайской опере исполняли мужчины. Этот запрет был связан с тем, что игра женщин в театре считалась вредной для общественной морали.

<sup>3</sup> Амплуа циньи (*кит.* ##) – роль скромной девушки или благопристойной замужней женщины.

<sup>4</sup> Бэйпин (*кит.* ##) – название Пекина с 1928 по 1949 год.

<sup>5</sup> Вдовствующая императрица Цыси (*кит.* #####) – маньчжурская императрица, фактически правившая Китаем с 1861 по 1908 год.

<sup>6</sup> «Космический клинок» (*кит.* ###) – одна из пьес традиционного китайского театра, повествующая о внуке Чжао Гао, который захватил власть при династии

тяжело вздохнул и покорно уступил тому звание лучшего актёра женских ролей.

Кто-то говорил, что Нин Цзюлана так потряс голос Шан Сижую, так явственно он ощутил его превосходство, что чуть было не помешался. Молодой феникс пел чище старого, к тому же двум красавицам нет места под одним небом, и Нин Цзюлан более не видел смысла выходить на сцену. Другие же перешёптывались, что он, покинув дворец двадцать с лишним лет назад, скопил уже достаточно и решил покончить с оперой, вот и воспользовался Шан Сижуюем, чтобы изящно уйти со сцены. Как бы то ни было, такой жест Нин Цзюлана упрочил громкую славу Шан Сижую. Каждый день в газетах появлялись мельчайшие подробности его личной жизни и сценических достижений. Страстные театралы окружали вход в Китайскую оперу, где выступал Шан Сижуй, и в исступлении выкрикивали его имя. Казалось, что слава его превосходила даже славу президента<sup>7</sup>. Поначалу Шан Сижуй произвёл на Чэн Фэнтая впечатление очередного артиста, чья известность была раздута непомерно, он считал его одной из тех быстро вспыхивающих звёзд театра, что погаснет так же стремительно.

Однако в глазах Чэн Мэйсинь, старшей сестры Чэн Фэнтая, Шан Сижуй был неблагодарным и подлым человечешкой.

---

Цинь и тем самым погубил её.

<sup>7</sup> С 1912 по 1949 год во главе Китайской Республики стоял президент.

В то время Чэн Мэйсинь только дождалась смерти первой жены командующего Цао, и наконец ей воздалось за все страдания – и из шестой наложницы она стала супругой Цао. Командующий Цао тогда штурмовал город на востоке, почти прорвав оборону главнокомандующего Чжана. И однажды на городской стене показался Шан Сижуй в прекрасном театральном костюме, но без краски на лице, и исполнил а капелла арию из оперы «Прощай, моя наложница»<sup>8</sup>, снова и снова повторяя несколько фраз. Пел он волнующе и самозабвенно, совершенно не замечая свистящих пуль. Солдаты глядели на него в полном изумлении и даже позабыли, как стрелять. Показывали на актёра пальцем, спрашивая, не безумен ли тот человек. Конечно, безумен... и прекрасен в своём безумии.

Когда командующий Цао, встав под городскими воротами, взглянул наверх, Шан Сижуй как раз выводил строку: «Ханьские войска уж подошли, врагами окружён со всех сторон». И звучало это так, будто он воспевал подвиги командующего Цао – чудно и страшно. Тот, заворожённый, указал нагайкой на Шан Сижую: «Не стрелять в него! Я желаю получить Юй Цзи<sup>9</sup> живой!» И тогда солдаты, не решаясь стрелять из ружей, потратили лишний час, чтобы проломить го-

---

<sup>8</sup> Одна из пьес китайской оперы, в которой наложница остаётся верна своему императору до самого конца и кончает с собой, когда он умирает.

<sup>9</sup> Юй Цзи (*кит. ##*) – возлюбленная наложница генерала Сан Юя, который провозгласил себя правителем западного Чу. История их любви легла в основу оперы «Прощай, моя наложница».

родские ворота.

Когда город был взят, Шан Сижуй не спешил вслед за самоотверженной и преданной Юй Цзи перерезать себе горло, а, взяв с собой актрис из «Шуйюнь», днями напролёт бесчинствовал на глазах у Чэн Мэйсинь. Командующему Цао так вскружила голову череда бесчисленных забав, что он и слышать ничего не слышал, и вкуса еды уже не ощущал. Чэн Мэйсинь, украсив резиденцию командующего Цао нарядными актрисами, сама тайно искала встречи с хозяином труппы Шан Сижуюем, чтобы вручить ему чек и выпроводить, однако тот дал ей от ворот поворот, чем привёл в неистовое бешенство. К счастью для Чэн Мэйсинь, она выиграла это сражение, однако, стоило кому-то упомянуть дела былые, как застарелая обида вскипала с прежней силой.

Чэн Мэйсинь вышла из семьи, охваченной западными веяниями, принесёнными с Шанхайской набережной, однако жизнь куртизанки, а затем наложницы ожесточила и опошлила её лицо и мысли, и, лишь кто за спиной вдруг вспоминал Шан Сижуюя, она тут же находила для него пару неприятных словечек, да ещё и тщательно следила за тем, чтобы никто из мужчин её семьи с ним не якшался. Только вот, кроме супруга, командующего Цао, да младшего брата Чэн Фэнтая никто из мужчин её не слушал. Чэн Мэйсинь постоянно ломала голову, как бы угодить командующему Цао, и не осмеливалась произносить бранные речи перед военным министром, а потому вся тяжесть её забот о нравственном

благополучии пала на плечи Чэн Фэнтая.

В этот день после обеда они курили в бэйпинской резиденции семьи Чэн – просторном, с высокими потолками флигеле, обставленном большими эмалевыми вазами с павлиньими перьями, резной мебелью из красного дерева да свитками со сливой, орхидеей, бамбуком и хризантемой, развешанными по стенам, всё это осталось от прежнего хозяина резиденции, какого-то князька. Свет заходящего солнца, проникая внутрь, растворялся в дымке табака, так что вся картина напоминала покрытый пылью старинный натюр-морт. Чэн Мэйсинь одной рукой оперлась на столик при кане<sup>10</sup>, другой же держала трубку из слоновой кости; впившись строгим взглядом в Чэн Фэнтая, она выговаривала ему:

– Не следует тебе, подобно бэйпинским мужчинам, развлекаться с актёришками! Эти бродяги – подлые болваны, которые только тем и заняты, что приманивают состоятельных людей. Не усвоишь это хорошенько, так старшая сестрица не может обещать, что защитит тебя. Ты меня услышал?

Чэн Мэйсинь упорно стояла на своём, но какими бы ядовитыми ни были её речи, нежный, будто размякший клейкий рис, цзяннаньский говор так ей и не изменил.

Засунув руки в карманы брюк, Чэн Фэнтай согласился с небрежной улыбкой:

– Услышал-услышал, что весёлого может быть с этими ак-

---

<sup>10</sup> Кан (*кит.* #) – китайская печка-лежанка, на которой не только спали, но и готовили пищу, и проводили досуг.

тёришками?

Слова эти прозвучали так, словно именно с актёришками никакого веселья не видать. А вот если поменять их на кого-нибудь другого, то тут уже можно было как следует позабавиться.

Чэн Мэйсинь бросила взгляд на сидевшую рядом невестку: жена её младшего брата, вторая госпожа Чэн, выглядела насторожённой. Она постукивала длинной трубкой по краю плеватальницы, стряхивая пепел и наблюдая за Чэн Фэнтаем.

Чэн Мэйсинь поспешно сказала:

– Не только с актёришками ничего весёлого не может быть, но и танцовщиц или певичек это касается. Невестка – самая настоящая красавица, родила тебе двух детишек, а тебе всё мало? Нельзя же быть таким неблагодарным человеком!

Она позабыла, что родная мать Чэн Фэнтая, прежде чем стать второй женой в семье Чэн, была именно певичкой. К счастью, Чэн Фэнтая не задела её слова; взяв в руки мандарин, он почистил его и протянул сестре, прищурившись в улыбке.

– Понял я, понял! Старшая сестрица, в кои-то веки ты приехала, а половину нашего разговора ты бранишь актёришек, половину – наставляешь младшего брата. Характером ты всё большеходишь на зятя! – С этими словами он чиркнул спичкой и зажёл трубку второй госпожи. В её

взгляде мелькнула лёгкая улыбка, ей очень нравилось, когда Чэн Фэнтай ухаживал за ней с подобной сердечной теплотой, словно безропотно заискивая. Вторая госпожа раздула пламя в трубке и затянулась дымом, однако с губ её сорвалось следующее:

– Думаешь, раз я отпустила служанку, то не могу о себе позаботиться? Господин, который так назойливо спешит услужить другому, вряд ли вызовет почтение.

Чэн Мэйсинь взяла дольку мандарина и со смехом сказала:

– Невестка не осознаёт, как горячо её любит младший брат.

Вторая госпожа взглянула искоса на Чэн Фэнтая, выказывая своё неодобрение, но улыбка на её лице не померкла. Чэн Фэнтай всегда небрежно улыбался, но на сей раз за его улыбкой стояло настоящее веселье. Две эти женщины – одна разговаривала по-шанхайски учтиво, другая царапала<sup>11</sup> слух своим северо-восточным говором – обменивались репликами, будто исполняли театральную комедию. В задней комнате проснулась после дневного сна третья младшая сестра Чача-эр<sup>12</sup>. Протерев глаза, она подняла дверную занавеску и вошла, но, увидев старшую сестру Чэн Мэйсинь, остолбене-

---

<sup>11</sup> Для северных диалектов китайского языка свойственна эризация – добавления суффикса – эр в конце слов.

<sup>12</sup> – эр (*кит. #*) – суффикс, который добавляют к имени, образуя тем самым уменьшительно-ласкательную форму.

ла и тут же собралась вернуться к себе. Чэн Фэнтай замахал рукой, подзывая её:

– Чача-эр, подойди.

Чача-эр с неохотой подошла к Чэн Фэнтаю, по натуре она была девочкой одинокой, с чистой душой и с самого детства не ладила со старшей сестрой, поскольку презирала характер и замашки последней. Чэн Фэнтай похлопал себя по колену, и Чача-эр тут же уселась на него, в смятении уткнувшись лицом в грудь второго брата, не глядя на Чэн Мэйсинь. Чэн Фэнтай обнял её за талию и встряхнул пару раз, затем, нахмурившись, сказал:

– К нам приехала старшая сестрица, почему ты её не приветствуешь, а? – Однако в голосе брата не было ни намёка на упрёк. Чача-эр пробормотала что-то себе под нос, и это можно было расценить как вопрос, хорошо ли поживает старшая сестра.

Будь они в их старом шанхайском доме, Чэн Мэйсинь давно уже начала бы браниться. Однако она хорошо знала нрав Чэн Фэнтая, и, хотя он всегда ревниво оберегал всех сестёр, настоящим светом в оконце для него была лишь эта Чача-эр. Чача-эр смиренно, будто маленькая кукла, устроилась в объятиях Чэн Фэнтая. Вместе они прошли через тёмные и страшные годы юности. Чэн Фэнтай хлопотал вокруг Чача-эр, словно насадка возле птенчика, и сердечная привязанность брата и сестры была самой крепкой среди них. Ругать Чэн Фэнтая можно сколько душе угодно, но задеть хоть

словом Чача-эр значило ранить Чэн Фэнтая в самое сердце, и он начинал сердиться. Всё переменялось до неузнаваемости, и Чэн Мэйсинь не желала вызвать неудовольствие младшего брата, крупного коммерсанта. Ей оставалось лишь бранить Чача-эр про себя: она обзывала ту дворняжкой, не знающей приличий, точь-в-точь как её мамаша-дикарка, такая же дрянь. С улыбкой она наблюдала, как ласково единокровные брат и сестра обнимали друг друга, сама же подумала презрительно: «Один – сын певички, другая – дочь дикарки с юга, а путь у них в итоге один».

В те годы, когда семья Чэн ещё жила в Шанхае, фабрика отца разорилась, а сам он скоропостижно скончался. Старшая жена, столкнувшись с расстроеными делами, впала в страшную тоску и вслед за отцом повесилась. Все четверо детей семьи Чэн были от разных матерей. Чэн Мэйсинь – старшая дочь от главной жены, тогда ей едва исполнилось восемнадцать лет, затем следовали младший брат и две сестры. Мать Чэн Фэнтая – популярная шанхайская певичка, выступавшая на набережной. Родив сына, она не смогла привыкнуть к семейной жизни и сбежала в Гонконг – вернулась там к старому занятию. Мать третьей сестры Чача-эр как появилась внезапно в их жизни, так и исчезла без следа. Чэн Мэйсинь никогда её толком и не видела, слышала только, что та уехала за границу, во Францию. Имелась ещё четвёртая наложница из бедной семьи и её дочка в пелёнках, да ещё слуги, кормилица, шофёр – вот и вся большая семья. Банк

отправил своих людей, чтобы те изъяли все ценные вещи в счёт уплаты долгов: пианино, утварь из серебра, электрические вентиляторы, дошло даже до мраморных умывальников, стоящих в саду, – забрали всё без исключения. Увидев, что происходит, слуги один за другим взяли расчёт, а Чэн Мэйсинь, в одиночку преградив ворота в саду, не давала им уйти, крича так пронзительно, что сорвала голос:

– Неужто всё это время вам плохо платили? Что же вы бежите?!

Однако Чэн Мэйсинь смогла найти лёгкий способ сохранить дом и заплатить слугам за работу – ради этого она пошла в первоклассные куртизанки.

Из всех прекрасных барышень Шанхайской набережной Чэн Мэйсинь нельзя было назвать самой красивой, однако она имела манеры на западный лад, владела английским и носила платья по европейской моде, к тому же умела кокетничать, наслаждаться жизнью и получать удовольствие. Но самое главное – она была старшей дочерью семьи Чэн, фениксом, втоптанном в грязь, и всякий желал попробовать её на вкус. Чэн Мэйсинь всё ещё помнила свой первый раз с давним другом отца – стариком, которого она всегда звала дядюшкой. От него она получила шесть тысяч юаней – шесть тысяч, которые прежде её мать могла проиграть в мацзян за один вечер, она променяла на своё целомудрие.

Чэн Мэйсинь не забыла, как в тот вечер, с трудом сдерживая скорбное негодование, она изо всех сил старалась

услужить «дядюшке» ночь напролёт, наутро её усталое тело страшно болело, но она всё же сделала большой крюк, чтобы купить в «Кайсылине»<sup>13</sup> пирог с каштанами и принести его домой. В прошлом их семья всегда завтракала пирожными с молоком, вот и сейчас она хотела позавтракать именно так со всей семьёй. Проистекало это желание вовсе не от любви к младшему брату и сёстрам, она купила пирог ради себя самой. Обладавшая прежде богатствами и почестями и потерявшая всё, Чэн Мэйсинь шаг за шагом погружалась в пучину отчаяния, она готова была отдать жизнь, чтобы вернуть своё положение в обществе. Цена, которую она заплатила той ночью, казалась ей ничтожной.

С пирогом в руках Чэн Мэйсинь распахнула двери в столовую, одна из стен в которой была застеклена. Лучи восходящего солнца, проникая внутрь, освещали Чэн Фэнтая, озаряя его волосы и кожу, и от них будто исходило божественное сияние. Чэн Фэнтай в белой нижней рубашке сидел на столе, обхватив за талию кормилицу Чача-эр и прильнув лицом к её груди, совершенно неподвижный. Чэн Мэйсинь долгое время провела в оцепенении, глядя на них, и от поднявшейся внутри ярости её бросило в дрожь. Она там ублажает старика, молча снося унижение, а Чэн Фэнтай, её единственный младший брат, не то что не разделил с ней эту ношу, больше того – обжимается с кормилицей прямо у них

---

<sup>13</sup> «Кайсылин» (*кит. ###*) – шанхайская кондитерская, основанная в 1928 году и существующая до сих пор.

дома! Что за бесстыжее отродье! Неужто она торговала телом ради того, чтобы он продолжал наслаждаться беззаботной жизнью барчука? Нет уж, так просто он не отделается!

Кормилица, едва завидев Чэн Мэйсинь, с пронзительным криком оттолкнула Чэн Фэнтая и выбежала прочь. Чэн Фэнтай в растерянности спрыгнул со стола, почувствовав себя ужасно неловко:

– Старшая сестрица...

Чэн Мэйсинь откашлялась и с вполне миролюбивой улыбкой поставила каштановый пирог на стол, назвав Чэн Фэнтая его английским именем:

– Edwin<sup>14</sup>, проголодался? Вели слугам разогреть кукурузные хлопья, и пусть все приходят есть пирог.

За столом Чэн Мэйсинь размышляла, как бы ей выгодно пристроить младшего брата и сестёр. Сёстры ещё слишком малы, хоть и красивы, но продать их решительно невозможно. Младший брат очень красив, даже краше её, но вот жалость – он брат, а какой прок с мальчика? Чэн Мэйсинь перебирала в уме знакомых богачей со всего Китая, пока наконец не вспомнила об одном человеке на северной границе, человеке, который показался ей спасительной звездой.

Чэн Мэйсинь крепко стиснула руки Чэн Фэнтая и со слезами на глазах заговорила:

– Edwin, я подумала... я приглашу в Шанхай барышню Фань Сян-эр – твою невесту с севера. Вы поженитесь.

---

<sup>14</sup> Edwin (англ.) – Эдвин.

Чэн Фэнтай злобно нахмурился и едва не выплюнул молоко, потом хлопнул по столу:

– No way!<sup>15</sup>

Чэн Мэйсинь снова притянула его к себе:

– Сестрица понимает, что барышня Фань намного тебя старше, да к тому же не городская. Когда прежде отец говорил об этом браке, сестрица встала на твою сторону и была против свадьбы, не так ли? Но... но сейчас всё изменилось, я ничего не могу поделать. У нас есть ещё две сестры, есть семья. Если ты не женишься на ней, всем грозит голодная смерть!

Чэн Фэнтай вскричал:

– Да как я смогу прожить с ней всю жизнь! Ты разве не знаешь – у неё... у неё же перебинтованы стопы!<sup>16</sup>

Заслышав перебранку между сестрой и братом, слуги и четвёртая наложница поспешили взять детей и увести их, и они остались в столовой вдвоём.

Какое-то время Чэн Мэйсинь молча лила слёзы, думая, что, если сейчас она не предпримет решительных мер, всё пойдёт прахом. Она расстегнула пуговицы на груди, обнажив следы прошлой ночи, и слёзно взмолилась:

– Ты уже взрослый, ты ведь знаешь, откуда это? Ты зна-

---

<sup>15</sup> No way (*англ.*) – «Ни за что!»

<sup>16</sup> С начала X до начала XX века в Китае практиковалось бинтование стоп маленьким девочкам (в особенности дочерям аристократических семей). Крошечная стопа говорила о престиже будущей невесты.

ешь, где была твоя сестра прошлой ночью, с кем, что делала? Ах! Если бы я не пожертвовала собой, мы лишились бы дома и скитались по улицам. Сейчас пришла твоя очередь, верно?

Сердце Чэн Фэнтай заболело от негодования, однако он не вымолвил и слова. На следующий год он взял в жёны старшую дочь семьи Фань, и та стала второй госпожой Чэн. Семья Чэн снова возродилась, став ещё богаче, чем при отце.

Доев последнюю дольку мандарина, Чэн Мэйсинь подумала: «Не придумай я всё так ладно, жили бы сейчас эти два отродья такой хорошей жизнью?» – и со смехом сказала:

– Кажется, третья сестра снова вытянулась. Отчего она всё ещё не ходит в школу?

Чэн Фэнтай ответил:

– Чача-эр нелюдима, я пригласил учителя на дом. Через пару лет, когда ещё подрастёт, тогда и пойдёт в школу, прямоком в среднюю.

Вторая госпожа выпустила струйку дыма и разомлевшим голосом вмешалась в разговор:

– Что хорошего в западных школах? Девчонки и мальчишки путаются между собой и развлекаются. К тому же после окончания школы семья Чэн ни в коем случае не может позволить третьей барышне пойти работать, так какой прок в учёбе? Лучше уж бросьте это дело.

Чэн Фэнтай был совершенно не согласен с доводами второй госпожи, но не захотел с ней спорить, а потому сказал:

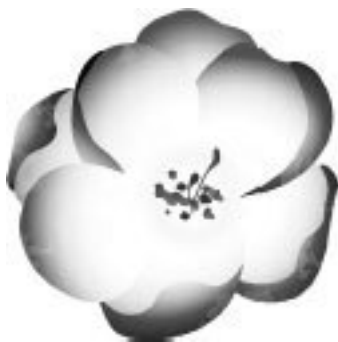
– Когда придёт время, тогда и посмотрим, понравится ли

Чача-эр учиться, она пойдёт в школу, а если не понравится – вернётся домой. К чему сейчас об этом говорить?

Чэн Мэйсинь с улыбкой обратилась ко второй госпоже:

– Второй братец так балует третью сестру.

Вторая госпожа взглянула на мужа и улыбнулась.



## Глава 2



По правде говоря, вторая госпожа Чэн тоже имела о Шан Сижэ своё представление. Она несколько раз рассказывала Чэн Фэнтаю о своём заочном знакомстве с ним. Каждый раз

её рассказ слегка отличался от прежней версии, но это обычное дело для подобных историй.

По слухам, когда Шан Сижуй был ещё в Пиньяне, он влюбился в шицзе<sup>17</sup> из театральной труппы – Цзян Мэнпин. В те годы она была известной в своём городе артисткой, особенно хорошо ей удавалось амплуа циньи – благородных героинь, вместе с Шан Сижуюем она собрала труппу «Шуйюнь», завоевав своё место в артистических кругах Пиньяна. Затем Цзян Мэнпин против воли Шан Сижуюя завела знакомство с третьим молодым господином семьи Чан – Чан Чжисинем, матушке второй госпожи он приходился старшим двоюродным братом.

Семья Чан была большой и состоятельной, в ней строго придерживались порядка, а братья вели тайную борьбу за имущество, прибегая к различным уловкам и порой ссорясь до крови. Несмотря на то что Чан Чжисинь не был сыном главной жены, однако сколько-нибудь из немалого семейного состояния ему при разделе достанется, только дождаться бы, когда старикашка в последний раз сомкнёт глаза на смертном одре, и тогда он сможет бежать в далёкие края, прихватив с собой и золото, и Цзян Мэнпин. Кто же знал, что, когда старик Чан уже был одной ногой в могиле, люди из труппы, ведомые дурными намерениями, разоблачат эту тайную связь и новость о романе в мгновение ока долетит до ушей Шан Сижуюя.

---

<sup>17</sup> Шицзе (*кит. ##*) – старшая соученица, сестрица-наставница.

Шан Сижуй, узнав об этом, пришёл в страшную ярость и встал у входа в театр, крича на весь свет о Чан Чжисине, и новость узнал каждый. Братья семьи Чан воспользовались предлогом и подговорили нескольких старейшин и тётушек, чтобы те целыми днями нашёптывали старику Чану слухи о Чан Чжисине. Да ещё разыскали газету, где публиковалась сплетня о третьем молодом господине Чане, который влюбился в актрису и охотно играл для неё на цине<sup>18</sup>. Несколько особенно вульгарных деталей, описанных очень живо, вывели старика из себя. Когда тот скончался, родственники изгнали Чан Чжисиня из семьи, прикрываясь тем, что он опозорил род, и не выделили ему и гроша. По правде говоря, Чан Чжисинь мог тогда бросить Цзян Мэнпин и отрицать их связь, однако он без колебаний во всём признался и, взяв лишь некоторые свои вещи, покинул семью Чан. В то же время Шан Сижуй, видя, что Цзян Мэнпин твёрдо решила остаться с Чан Чжисинем, в ярости использовал различные уловки, чтобы выставить актрису из «Шуйюнь» и лишить места, куда бы она могла приткнуться в Пинъяне. Вскоре Чан Чжисинь и Цзян Мэнпин поженились и покинули город.

Эта версия была очень лаконичной и выхолощенной, к тому же вторая госпожа – человек великодушный: рассказывая историю, она не добавляла ничего от себя. Неважно, насколько правдиво или ложно рассказанное, излагала вторая госпожа Чэн его вполне беспристрастно. Закончив рассказ,

---

<sup>18</sup> Цинь (*кит. #*) – семиструнный щипковый музыкальный инструмент.

она заключила:

– Каждый человек хочет жениться по любви, он же всего лишь шиди<sup>19</sup>, который возомнил, будто смеет препятствовать своей наставнице шицзе. Поколотить бы его хорошенько за одно это, так у него ещё хватило наглости во всеулышание препятствовать их браку. Такой переполох устроил...

Во время учёбы в Шанхае Чэн Фэнтай достаточно насмотрелся на влюблённых, сбегаящих вместе, и душа его наполнилась романтическими мечтаниями. Вот и история любви Чана и Цзян восхищала его. В ней Шан Сижую досталась роль злодея из пьесы, который желал разлучить возлюбленных. Однако Чан и Цзян, как того и требовал сюжет, жили долго и счастливо, а потому злодей казался не таким уж и ненавистным.

Чэн Фэнтай сказал:

– Этот человек, Чан Чжисинь, может и пригнуться, и распрямиться, не изменяя при этом своим чувствам, характер у него твёрдый, хотелось бы увидеться с ним при случае... А эта Цзян Мэнпин насколько красива?

Вторая госпожа взглянула на него с затаённой ненавистью:

– А ты как думаешь? Весьма красива. И страны завоюет, и города покорит своей красотой. Какая жалость, что она уже занята.

Откинувшись на изголовье, Чэн Фэнтай намеренно зацокал языком:

---

<sup>19</sup> Ши́ди (*кит.* 师兄) – братец-наставник (о младшем по возрасту соученике).

– Угу! Какая жалость, и впрямь досадно.

Вторая госпожа замахнулась на него трубкой, но Чэн Фэнтай уже был наготове, с хохотом он ухватил трубку и повалил жену.

От Чэн Фэнтая исходил запах табака, и этот запах, смешавшись с французскими духами, превратился в леденящий аромат. Вторая госпожа, которую он обхватил худыми и сильными руками, только почувствовав его запах, тут же обмякла.

Чэн Фэнтай провёл губами по её щеке и со смехом сказал:

– И впрямь досадно, что второй господин тоже уже занят, у него имеется вторая госпожа, – произнеся эти слова, он напустил на себя важный вид под взглядом второй госпожи. – Мне не верится, что Цзян Мэнпин красивее моей жены, моя жена – белокожая красавица. Вот только мне нужно спрятать её как следует: вокруг полно дурных людей.

Вторая госпожа тоже принялась внимательно рассматривать Чэн Фэнтая. Изыщные брови подчёркивали худобу его вытянутого лица, кожа словно парное молоко, а ресницы такие длинные и густые, что придавали его облику некую женственность. Когда он слегка исподлобья глядел на кого-то с усмешкой во взоре, насмешливо и лукаво, проявлялась его испорченная до мозга костей натура, и всякая женщина, заметив на себе его взгляд, вспыхивала алым румянцем. Они прожили супругами столько лет, а вторая госпожа по-прежнему не могла устоять под этим пусть и мимолетным, но об-

жигающим взглядом.

Это был её мальчик – красивый и талантливый, представитель нового времени, который имел обыкновение плести медовые речи – типичный пример золотой молодёжи. По счастью, человеком он был неплохим, умел зарабатывать и вести светскую жизнь, всячески заботился о семье и оказался хорошим мужем. Однако вторая госпожа всё время чувствовала, что упускает что-то, но что, понять не могла... Характер Чэн Фэнтай имел переменчивый – семь пятниц на неделе, – он легко давал волю чувствам. Когда всё шло как ему надо, то и нрав он проявлял мягкий: мог руку подставить под струйку мочи описавшегося ребёнка. Но стоило его грубому нраву вскинуть голову, как он тут же выходил из себя, мог, казалось, и мать родную жизни лишить, не было того, что он не осмелился бы совершить, хотя, пожалуй, в этом и таилась сила его очарования.

Вторая госпожа Чэн с детства знала, что помолвлена с молодым барчуком из шанхайской семьи Чэн, но, когда молодому господину Чэну исполнилось семнадцать лет, ей было уже двадцать два. Она мечтала о свадьбе, а молодой господин Чэн отказался брать её в жёны. Семья Чэн разорвала помолвку! Современные шанхайские веяния ещё не проникли на север, а потому для старшей дочери семьи Фань это стало страшным ударом. Ей было безразлично, как изменился мир вокруг, сама она, женщина императорского Китая, не выйдет замуж второй раз и не последует за вторым мужем. Её хоте-

ли сосватать кому-то другому, но она причесала волосы как замужняя женщина и поклялась никогда не выходить замуж, всецело поглощённая мыслью остаться старой девой.

Так прошёл ещё год, и в один прекрасный день от семьи Чэн пришло письмо, в котором её настоятельно просили приехать в Шанхай. К тому времени старшая барышня Фань пала духом и уже не верила, что у них с молодым господином Чэном выйдет что-то хорошее. Она отправилась в Шанхай ради того, чтобы посмотреть в глаза возмездью, которое пало на неё за совершённое в предыдущих жизнях зло.

Был сильный снегопад, она в окружении прислуги, измученная долгой дорогой, пришла в дом семьи Чэн, построенный на европейский манер: особняк с садом, у входа располагался пруд с фонтаном, одежда прислуги – как у иностранцев. Этот другой мир совершенно не вписывался в её собственный. Старшая барышня Фань стояла в саду и рассматривала скульптуру обнажённого мальчика, когда парадные двери европейского особняка распахнулись и оттуда выбежал прекрасный юноша с белой кожей в весьма тонком шерстяном свитере, босоногий. Он направился к ней, его взгляд был полон страстной мольбы и ожидания.

Стоя посреди заснеженного сада, Чэн Фэнтай долго всматривался в её лицо, и снежинки летели на его ресницы, словно он только-только рыдал и не успел смахнуть слёзы, белоснежная кожа и белоснежные ресницы делали его похожим на статую.

Он вдруг улыбнулся как-то растерянно и сказал:

– Жена...

И одно это слово заставило старшую барышню Фань отбросить ненависть, превратило её во вторую госпожу Чэн, которая отдаст Чэн Фэнтаю половину земель семьи Фань, родит Чэн Фэнтаю детей, будет вести для Чэн Фэнтая домашнее хозяйство.

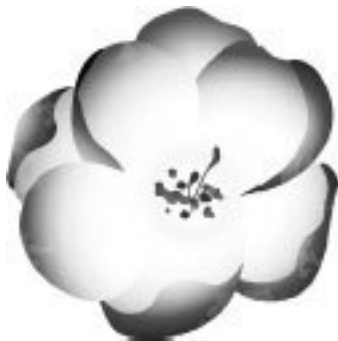
Чэн Фэнтай стал долгом второй госпожи, который она будет возвращать всю жизнь.

Расстёгивая пуговицы на своей рубашке, Чэн Фэнтай водел руками по телу второй госпожи:

– Прекрасная сестрица, давай-ка мы с тобой сотворим девчушку несравненной красоты!

Зардевшись, вторая госпожа тихо выругалась:

– Сукин сын!



## Глава 3



За столом для игры в мацзян собрались на партию Чэн Фэнтай и его шурина Фань Лянь, а ещё госпожа и барышня из

богатой и знатной семьи<sup>20</sup>. В ярко освещенной двумя люстрами гостиной располагалось шесть таких столов. Как только наступал вечер, люди их сословия начинали веселиться, один за другим они отмечали семейные праздники, рождение детей от наложниц и приглашали гостей на ответные банкеты, брали одну за другой наложниц, которые рожали детей, а, говоря проще, под разными хитрыми предложениями собирались толпой поесть и попить, чтобы ни один день не прошёл впустую.

Чэн Фэнтай играл в мацзян, а Чача-эр, одетая в красное платье западного кроя, сидела подле него и чистила виноград: почистит виноградину и сама съест. Среди этого вавилонского столпотворения она была причудливо спокойна. Чэн Фэнтай то и дело поворачивался к Чача-эр и просил у сестры виноград, поддразнивая её. Чача-эр же не обращала на него внимания, а когда терпение её иссякало, она всё же засовывала ему в рот виноградину.

За смехом и разговорами Фань Лянь позабыл правила и зажёг сигарету. Он только зажал её в зубах и не успел ещё затянуться, как Чэн Фэнтай пристально на него уставился:

– А ну брось. Моя сестра здесь, она будет кашлять.

Фань Лянь с тяжёлым сердцем отбросил сигарету и недовольно сказал:

– Зять! Без обид, но мы с тобой играем, зачем ты привёл сюда третью сестру? В такое позднее время дети должны уже

---

<sup>20</sup> В мацзян (или маджонг) играют строго четыре человека.

спать.

Чача-эр, услышав, что говорят о ней, перестала есть виноград и в ярком свете ламп устремила на Фань Ляня взгляд огромных карих глаз. Чистый взгляд, подобно стреле, пронзил его холодным сиянием, алое платье ослепляло, порождая в сердце смутную тревогу. Под взглядом Чача-эр Фань Лянь почувствовал себя не в своей тарелке, он давно уже ощущал в этом ребёнке что-то зловещее и мрачное и никогда с ней не заговаривал. Хотя черты лица её прекрасны, от этой красоты веяло ледяным холодом, неизвестно откуда проявившемся, и резала она подобно острию ножа. Поговаривали, что её мать была не из ханьцев, неужели и в самом деле она вышла из народности мяо?<sup>21</sup> Что за ядовитое великолепие!

Женщины, давно затаившие на Чача-эр злобу, тотчас зароптали:

– И правда, второй господин, привели сюда ребёнка, да ещё запрещаете нам курить, это уж слишком.

– Да что там игра в мацзян! Куда только второй господин не берёт с собой младшую сестру. В прошлый раз привёл её на деловые переговоры с нашим господином.

– Второй господин, послушайте, а третья барышня и правда вам родная младшая сестра? Вы совсем друг на друга не похожи, не стоит нас обманывать.

Все присутствующие рассмеялись над скрывавшимся во

---

<sup>21</sup> Мяо – группа народов, проживающих в Южном Китае, Северном Вьетнаме, Лаосе, Таиланде и Мьянме.

фразе тайном смысле. Чэн Фэнтай, герой шутки, обвёл их весёлым взором:

– И болтать почём зря вам тоже запрещаю! Эта шутка чересчур бесстыжая! – Он обхватил Чача-эр за плечи. – Сестрёнка, подай мне кость!

Чача-эр схватила первую попавшуюся кость, и на ней остался липкий виноградный сок от её пальцев, Чэн Фэнтай вытер кость об одежду, перевернул её и взглянул: всё сошлось.

– Ага! Теперь поняли, отчего я взял её с собой? Она моя Lucky Star!<sup>22</sup>

Отсчитывая ему фишки, Фань Лянь сердито произнёс:

– К чему хвастаться! И у меня младшая сестра имеется, в следующий раз я тоже возьму нашу Цзиньлин-эр с собой.

Чэн Фэнтай спросил:

– Раз уж мы упомянули мою свояченицу, хочу спросить у старшего брата Лянь-эра, отчего мою жену зовут Фань Ю, тебя – Фань Лянь, и только в имени моей свояченицы есть иероглиф «золото»? Разве это не вносит путаницу в порядок ваших имён?<sup>23</sup>

---

<sup>22</sup> Lucky Star (англ.) – «счастливая звезда».

<sup>23</sup> Во многих китайских семьях детям принято давать имена с одинаковым иероглифом. Так, имя Фань Ляня пишется как ##, (Лянь означает «идти рябью, течь, проливаться»), имя второй госпожи, жены Чэн Фэнтая, Фань Ю – ## (Ю означает «плавать»), а их младшую сестру зовут Фань Цзиньлин – ### (Цзинь означает «золото», а Лин – «журчать»). Во всех трёх именах (Лянь, Сян и Цзиньлин) и в фамилии Фань есть ключ «вода» #.

Фань Лянь ответил:

– Когда третья сестра родилась, на наши луга напала саранча, урожай был плохой, и мы понесли большие убытки серебром. Предсказатель объяснил, это из-за того, что в наших со старшей сестрой именах слишком много воды, чем больше воды, тем больше золота в ней потонет, и тут мой отец решил дать третьей сестре имя, в котором будет золото.

Все тут же издали протяжное понимающее «Аа-а-а!». Всяческие пустяки из жизни знатных семей, всплывая наружу, немедленно становились достойным предметом для разговоров.

Барышня по правую руку поинтересовалась:

– Второй господин Фань, у вас на севере есть пастбища?

Госпожа напротив, устремив взгляд на Фань Ляня, со смехом сказала барышне рядом:

– Да что там пастбища! У них ещё имеется несколько гор и собственный караульный отряд. У семьи Фань целая крепость, они словно князя приграничных земель! Та, кто выйдет за второго господина Фаня замуж, станет принцессой!

Барышня, чьи заветные мечты неожиданно высказали вслух, зарделась. Оказывается, за современным джентльменским обликом Фань Ляня скрывалось такое примитивное семейное дело.

Фань Лянь рассмеялся:

– Это когда мы были князьями приграничных земель, в каких годах, сейчас ничего не осталось! Как пришли япон-

цы, отняли у нас большую усадьбу, так наши ребята каждый день с ними бьются. Я человек книги, все эти ружья да винтовки пугают меня ужасно, это не моё. С младшим братом и сестрой я приехал в Бэйпин, разыскали мы старшую сестру, чтобы пожить у родни, спасаясь от бедствия.

Чэн Фэнтай затаился и, прищурившись, выпустил дым и принялся браниться:

– У тебя ещё хватает совести говорить об этом, трусливая тряпка! Не можешь свою семью защитить, поручаешь это слугам! Будь я на твоём месте, пусть японцы осмелились бы хоть травинки коснуться, посмотрим, что было бы. Все кишки у них наружу повылазили бы!

Фань Лянь со смехом кивнул:

– Это уж само собой. Кто не знает твоего, второй господин Чэн, норова: бандит во плоти.

Госпожа и барышня особого интереса к военным делам не проявляли и, узнав суть дела, тут же принялись подтрунивать:

– Сегодня вечером брат Лянь-эр так и не выиграл, ничего удивительного, что он прибедняется. Не верьте ему! Солдаты семьи Фань сражаются с японцами, разве этого мало? А он учился за границей несколько лет да так привык к райским уголкам, что, вернувшись в пустынную загородную местность, где стоит крепость семьи Фань, тут же сбежал в Бэйпин наслаждаться жизнью.

Фань Лянь улыбнулся, ничего не возразив: видимо, ска-

занное попало прямо в точку.

Госпожа, сидевшая за другим столом, спросила у Фань Ляня:

– Второй господин Фань, как обстоят дела со свадьбой у барышни Цзиньлин и шестого молодого господина Шэна? Известно вам или нет? Когда же мы погуляем на свадьбе?

Чэн Фэнтай сказал:

– Точно, как дела у Цзиньлин? Твоя старшая сестра как раз позавчера спрашивала меня... О делах вашей семьи она спрашивает у меня. Эге-ге...

Фань Лянь покачал головой и замахал руками, всем видом выражая нетерпение:

– И не спрашивайте, не спрашивайте, не упоминайте больше об этом. Я торжественно заявляю: у моей младшей сестры Фань Цзиньлин и шестого молодого господина Шэна, Шэн Цзыюня, нет ничего, кроме того, что они учатся в одной группе, между ними нет никаких отношений. Свадьба! Откуда там взяться свадьбе?! Что за любители соваться не в свои дела распускают подобные слухи? Портят репутацию моей младшей сестры!

Любитель соваться не в свои дела Чэн Фэнтай гордо вскинул брови, отказываясь сознаваться.

Слова Фань Ляня вызвали всеобщее любопытство и породили множество догадок, присутствующие в гостиной тут же наостригли уши, ожидая, что же он скажет дальше, и даже стук костей мало-помалу стих. Однако Фань Лянь не за-

говаривал, и видно было, что за его молчанием скрывается какая-то причина, говорить о которой неудобно.

Чэн Фэнтай не вытерпел первым (шестой молодой господин Шэн был младшим братом его старого однокашника, и, когда тот прибыл в Бэйпин на учёбу, он взялся его опекать).

– Что случилось с мальчишкой из семьи Шэн?

Фань Лянь ответил:

– Мальчишка из семьи Шэн... Ай! Мало того что моей сестре он не по вкусу, да даже если бы и понравился, наша семья не потерпела бы такого зятя.

– Ай-яй, да ты смерти моей хочешь! Что в конце концов случилось с молодым господином Юнем?

Фань Лянь выкинул одну костяшку и, оглядевшись, изумлённо спросил:

– Как, никто из вас не знает? Шэн Цзыюнь содержит актёришку.

Все разом ахнули и принялись вздыхать о том, что юный студент не уделяет внимания учёбе.

Чэн Фэнтай переспросил:

– Содержит актёришку? Сам ещё подросток, а уже кого-то содержит?

Фань Лянь сцепил руки в знак глубокого разочарования и с горечью в голосе продолжил:

– Ах! Да и кого содержит! Знаете кого? Шан Сижую! Каждый день бегает в театр, ещё и пишет в газеты рецензии на его выступления и заметки о его жизни, совсем помешался!

Все снова горестно ахнули. Если этот ребёнок попал в лапы прославленного Шан Сижуй, считай, с ним покончено.

Чэн Фэнтай сказал:

– Шан Сижуй? Опять он!

Фань Лянь спросил его:

– Зять не ходит по театрам и всё равно его знает?

Чэн Фэнтай ответил:

– Первый в Бэйпине исполнитель амплуа дань<sup>24</sup>, кто же его не знает? Мне много чего о нём известно.

Кто-то рассмеялся:

– И что же второй господин нам расскажет?

– Второй господин Чэн любит послушать сплетни.

Чэн Фэнтай покачал головой:

– Одни представляют его как Су Дацзи<sup>25</sup>, другие – как литературного гения Ма<sup>26</sup>. Трудно сказать наверняка. Чача-эр, дай брату ещё одну кость.

Сидевшая рядом госпожа Лю ударила Чэн Фэнтая по руке:

– Не давайте третьей барышне ещё раз вытянуть, так второй господин непременно выиграт.

Чэн Фэнтай тут же обернулся к ней и с улыбкой спросил:

– Тогда, быть может, госпожа Лю нащупает мне одну?

---

<sup>24</sup> Амплуа дань – женские роли.

<sup>25</sup> Су Дацзи (*кит. ###*) – любимая наложница последнего императора династии Шан. По преданию, её телом завладела злобная лисица-оборотень, и вместе с жестоким правителем она послужила причиной падения династии Шан.

<sup>26</sup> Ма-вэньцай (*кит. ###*) – «литературный талант Ма», второстепенный герой предания «Лянчжу», злодей, который желал разлучить влюблённых.

Он нарочно произнёс такую двусмысленную фразу, и все начали подшучивать, они прекрасно знали, что Чэн Фэнтай остёр на язык, и никто не воспринимал его слова всерьёз. По-краснев, госпожа Лю выплюнула возмущённое «Тьфу!». Сидевший вдалеке господин Лю тоже услышал слова Чэн Фэнтая и презрительно улыбнулся. Подойдя к их столу, он как следует толкнул Чэн Фэнтая:

– Второй господин Чэн! Так необдуманно поступаете, берегитесь, а то пойду и доложу обо всём второй госпоже.

Фань Лянь рассмеялся:

– Что говори ей, что не говори – всё одно, куда уж моей старшей сестре смотреть за ним!

Раздался взрыв смеха, а затем разговор снова вернулся к обсуждению пикантных сплетен о Шэн Цзыуне и Шан Сижуе, и о барышне Фань Цзиньлин все позабыли.

Чэн Фэнтай сказал:

– Шэн Цзыонь приехал в Бэйпин учиться, и вот тебе на, содержит актёришку! Ещё большая трата денег, чем ходить по весёлым домам. Его старший брат как узнал, так принялся на меня возводить напраслину, мол, я дурно на него повлиял. В прошлом письме он спрашивал меня о бэйпинских ценах, не иначе как младший брат постоянно просит прислать денег, он и заподозрил неладное. Братец Лянь, вот ты скажи: этот Шан Сижуй в конце концов Су Дацзи или литературный гений Ма? Какие же разрушения он приносит людям!

В рассказах других людей образ Шан Сижую непременно

обрастал деталями, бóльшая часть из которых была пустыми слухами – за что купили, за то и продали, и вопрос о его положении оставался открытым. Зато рассказам Фань Ляня о Шан Сижуне можно было верить. Когда произошли истории, поднявшие шум, он как раз был в Пиньяне. К тому же он приходился второй госпоже единокровным младшим братом, так что они с Чан Чжисинем были хоть и не кровными, но всё же родственниками.

Фань Лянь заговорил:

– Как по мне, этот Шан Сижуй и Су Дацзи, и Ма-вэньцай в одном лице. В том году в Пиньяне, ох, что за шум там стоял! Как Шан Сижуй и жена моего двоюродного брата разошлись каждый своей дорогой, так из-за этого скандала артисты в Пиньяне отказались выступать. Пиньян отличается от вашего Шанхая, там все одурманены театром! Какой президент сейчас сменился, простой народ может не знать, но какой артист поёт в каком спектакле – в этом они разбираются лучше, чем в собственной родословной. Как-то раз актёры отменили выступление, так люди вели себя как опиумозависимые: на улицах каждый день были драки – без привычного развлечения все металась в беспокойстве, и дать выход гневу они могли только подравшись.

События того года в Пиньяне они обсудили уже вдоль и поперёк, но всякий раз, как об этом заходил разговор, все тут же увлечённо включались в разговор.

Кто-то спросил:

– Они ведь разъехались, так почему артисты отказались выступать?

Фань Лянь ответил:

– А ты сам подумай! Два главенствующих артиста, у каждого свои поклонники. Они затеяли склоку, а почитатели их разделились на две стороны – да с таким треском, что шума было на весь город! В особенности взбаламутилась их труппа «Шуйюнь», которая тоже разделилась на две группы, грызня внутри царила невыносимая. Отъезд моей двоюродной невестки и двоюродного брата из Пинъяна Шан Сижуй принял слишком близко к сердцу, он взбежал на звонницу и во весь голос принялся распевать свои арии – день и ночь напролёт. Его звонкий голос пролился на город подобно благодатному дождю после засухи, спасая оголодавших пинъянцев. Жители города собрались под звонницей послушать его пение, восторгались им, да так, что все дороги оказались заполонены, торговля в городе остановилась, и главнокомандующий Чжан так перепугался, что взял бойцов и пошёл разгонять людей. Шан Сижуй допелся до того, что начал харкать кровью, он человек упрямый: его уговаривали спуститься, а он подошёл к самому краю, словно вот-вот спрыгнет, – напугал всех до ужаса. Наконец главнокомандующий Чжан лично забрался на звонницу и спустил его вниз, приманив, словно кота.

Раздался вопрос:

– Говорят, что этот Шан Сижуй тогда обезумел, это прав-

да?

Фань Лянь ответил:

– Обезумел или нет – сложно сказать, на мой взгляд, ему в любом случае пришлось несладко. Когда главнокомандующий Чжан спустил его со звонницы, то тут же забрал в свою резиденцию. А потом и я уехал из Пиньяна и больше его не видел.

Госпожа Хань презрительно бросила:

– Главнокомандующий Чжан повстречал настоящего злого духа! Сам на себя беду и навлёк. А то почему, как вы думаете, он проиграл командующему Цао?

Чэн Фэнтай этим очень заинтересовался:

– Госпожа Хань, расскажите-ка подробнее, как главнокомандующий Чжан проиграл моему зятю?

Госпожа Хань только сейчас вспомнила, что здесь шурин командующего Цао, голос её сразу же смягчился, и она рассмеялась:

– Я слышала это от других, не хотелось бы, чтобы второй господин передал это командующему, да и что мы, женщины, в этом понимаем?.. Поговаривают, что в то время силы двух сторон были примерно одинаковы. Вот только Шан Сижуй подослал актрисок с возбуждающим средством, чтобы втереться в милость к главнокомандующему Чжану, тот, одурманенный, лежал на кровати не в силах подняться. А когда стаю драконов лишают головы, солдаты начинают проигрывать, словно горы обрушиваются.

Чэн Фэнтай воскликнул в изумлении:

– Ещё и это успел натворить! Он хозяин театральной труппы или же публичного дома?

Госпожа Хань покосилась на него:

– Думаете, это неправда? И главнокомандующий Чжан не заметил, как командующий Цао увёл у него из-под носа тридцать тысяч человек и конницу? Будь он в трезвом рассудке, разве он не управлял бы своими солдатами и разве пришлось бы ему сдаваться?

Посмеиваясь, Чэн Фэнтай покосился на госпожу Хань, однако вид принял очень серьёзный. Под его взглядом госпожа Хань забыла всё, что хотела сказать, и невольно сбилась. Таким он был, этот Чэн Фэнтай – постоянно, не заботясь о времени и месте, обменивался взглядами с барышнями и господами, а другим только и оставалось, что обливаться холодным потом, наблюдая за этим.

Фань Лянь уставился на Чэн Фэнтая и пару раз кашлянул, словно желая сказать: «Зять, ты бы остановился, столько народу здесь собралось, рано или поздно мужья тебя прикончат».

Фань Лянь и Чэн Фэнтай как встретились впервые, так сразу и подружились, очень уж они сходились во вкусах, и Чэн Фэнтай для Фань Ляня даже стал роднее старшей сестры. Когда у Чэн Фэнтая случались любовные похождения на стороне, Фань Лянь прикрывал его перед сестрой, крича, что-де вторая госпожа не верит собственному брату и при-

нимает его за пособника преступления.

Кто-то улучил момент и спросил Фань Ляня:

– Так что, сейчас Цзян Мэнпин уже не поёт?

Тот ответил:

– Нет, уже не поёт. Чан Чжисинь полностью её поглотил, как он может позволить двоюродной невестке открыто выступать на людях. Тем более что невестка сама не осмеливается нос показать, боится, что Шан Сижуй разыщет её и принесёт несчастье.

Чэн Фэнтай прыснул:

– Уже несколько лет прошло, как всё случилось, разве у этого Шан Сижуй такое большое влияние и неужто он всё ещё помнит об этом? Да и к тому же, как какой-то актёришка может учинить неприятности ей, родственнице семьи Фань? Откуда у него столько сноровки?

Фань Лянь ему возразил:

– Да ты не знаешь! И у актёришки найдётся сноровка. В тот год, когда всё случилось и между сестрицами вышел разлад, сердце моей невестки сгорело дотла и покрылось льдом, в память о старой любви она уступила ему труппу «Шуйюнь», иными словами, из страха перед ним возместила убытки. Затем, в один прекрасный день невестка под защитой Чан Чжисиня вернулась в актёрскую уборную, чтобы забрать кое-какие вещи, а ребяташки, которые учились там игре, завидев её, так обрадовались, что принялись громко кричать, как назло, эти крики услышал Шан Сижуй и от ярости едва

не задымился, выпрыгнув из-за занавески, он набросился на супругов и выволок их на улицу. Чан Чжисинь – барчук, как он мог это вынести, его достоинство втоптали в грязь! А тогда они с Цзян Мэньпин оба ни черепички не имели над головой, ни клочка земли под ногами...

Чэн Фэнтай, всегда обожавший совать нос в чужие дела, с досадой воскликнул:

– Эх, жаль, меня там не было, уж я как следует проучил бы этого актёришку. Прямо-таки ба... – Он хотел сказать «базарная баба», вот только Шан Сижуй не был женщиной, и он исправился: – Прямо-таки поколотил бы его.

Фань Лянь рассмеялся:

– И как бы ты его проучил? Он бранится так, что уши вянут, ты просто не слышал, как Шан Сижуй умеет ругаться.

Чэн Фэнтай гневно усмехнулся:

– Попробовал бы он! – И добавил: – И ты, будучи тогда в Пинъяне, спокойно наблюдал, как Шан Сижуй притесняет других?

Фань Лянь поправил очки и улыбнулся:

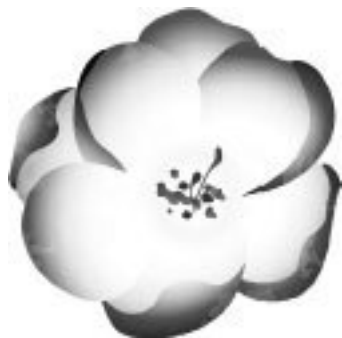
– Во-первых, это же ссора между любимыми – нехорошо посторонним вмешиваться. Когда Чан Чжисинь уезжал из Пинъяна, он не желал моей помощи. К тому же Шан Сижуй, конечно, гадкий человек, но всё-таки его жаль, а у меня рука не поднимется на упавшего!

По натуре своей Фань Лянь был индивидуалистом, он заботился только о себе, за склоками и препирательствами он

предпочитал наблюдать со стороны, и даже актёришка не мог так просто вызвать его неудовольствие, и в этом Чэн Фэнтай совершенно от него отличался.

Чэн Фэнтай пренебрежительно усмехнулся, сомневаясь, что Шан Сижуй достоин жалости: услышав историю с начала до конца, узнав, с какой силой Шан Сижуй вымещает ярость, он не мог разыскать в своём сердце ни местечка для жалости. Шан Сижуй сам не нашёл в себе жалости к шице, которая склонялась к нему подобно цветку, ищущему любовь у бегущего ручейка, да и слишком много в этом мире людей, вызывающих жалость, – у каждого найдётся слёзная история. В то время Чэн Фэнтай ненавидел Шан Сижую так же сильно, как своего врага, и никакие достоинства последнего не могли этого исправить.

Шан Сижуй был человеком, тонущем в слухах и перетолках, каждый его поступок окружал ореол таинственности, и они с Чэн Фэнтаем находились очень далеко друг от друга.



## Глава 4



Кроме слухов и сплетен, которые доносились до Чэн Фэн-тая по извилистым галереям высшего света, ему приходилось уже соприкасаться с Шан Сижум, правда, косвенно.

Однажды он проводил сделку для одного человека – принимал партию шёлка высшего качества, который доставляли из Цзяннаня в Манчжурию. В Бэйпине шёлк был транзитом, и в день прибытия груза хозяин Ли из лавки Жуйфусян лично прибежал в резиденцию Чэн Фэнтая получить товар, невзирая на адскую жару. Чэн Фэнтай подозвал рабочих, чтобы те подготовили стремянку и он мог открыть коробки и проверить товар, однако хозяин Ли замахал руками, сказав, что в этом нет нужды, он возьмёт всего два платья.

Чэн Фэнтай рассмеялся:

– Разве нельзя послать приказчика за ними? Ради двух платьев почтенный господин шёл сюда в такую жару, это ведь не воротнички для матушки-императрицы.

Весь в поту, хозяин Ли отёр лоб и замахал веером:

– Невелика разница. В своё время мне приходилось помогать императрице Ваньжун<sup>27</sup>, суть та же.

Чэн Фэнтаю стало очень любопытно, и он решил разузнать побольше. Хозяин Ли приказал спустить ящик из камфорного дерева с красным ярлыком на нём, в таком большом ящике лежало всего лишь двенадцать женских ханьфу, два пояса-полотенца и два носовых платка. Хозяин Ли надел очки и одну за другой разложил вещи на столе, с особой тщательностью разглядывая каждый стежок и кончик нитки, одновременно обращаясь к рабочим, прибывшим из Ханчжоу

---

<sup>27</sup> Императрица Ваньжун (*кит. #####*) – последняя императрица Китая из династии Цин, жена императора Сюаньгуна (Пуи).

с товаром:

– Следует хорошенько осмотреть прибывший товар, таков уж порядок, придётся вас затруднить просьбой вернуть ящик на место.

Перевозчик товара рассмеялся:

– Уж знаем-знаем! Порядок! Некоторые платья девушки из нашей вышивальной мастерской шили девять месяцев, хозяин, вы только взгляните, золотые нити ссучены из настоящего золота, ни одной поддельной, а взгляните на эти павлиньи перья...

Чэн Фэнтаю становилось всё любопытнее; подойдя, он расправил одно из платьев, оно было пышным и роскошным: по красному атласу пущены золотые фениксы, чьи перья можно рассмотреть в мельчайших деталях; кисточки у бахромы подобраны жемчугом, который на вид казался настоящим. Семья Фань считалась самой богатой за Великой стеной, но на их свадьбе со второй госпожой на ней не было подобного роскошного платья. На одном из костюмов кружились в танце сотни бабочек среди вышитых облаков цветов. Шёлковые крылья бабочек мягко играли со светом и казались живыми. Вышивальщицы, несомненно, вложили в эту работу всё то мастерство, которое они постигали в течение жизни, чтобы создать из разрозненных лоскутков полные очарования полотна.

Чэн Фэнтай восторженно прищёлкнул языком:

– И правда исключительная работа! Неужто император с

матушкой-императрицей собираются вернуться ко двору?

Хозяин Ли рассмеялся:

– Куда им! Неужели второй господин не разглядел? Это ведь костюмы для сцены.

Чэн Фэнтай подумал про себя: «Тогда неудивительно, что цвета такие яркие». Но какому именитому артисту Пекинской оперы, блестящему таланта, предназначались такие роскошные костюмы, он не знал. Чэн Фэнтай сказал:

– Говорят, в Бэйпине есть один знаменитый артист, прежде он выступал в труппе «Наньфу»<sup>28</sup>, сейчас покинул дворец; сперва он был близок с министром финансов, затем переметнулся к принцу Бади, это для него? Разве он не отошёл от дел? Он, кажется, не поёт больше?

Хозяин Ли ответил:

– Нет, это не он. Вы-то говорите о Нин Цзюлане, который служил в «Грушевом саду»!<sup>29</sup> Господин Нин в своё время был любимчиком вдовствующей императрицы Цыси, покинув дворец, он уже не может позволить себе подобных трат... Второй господин, вы угадajte, сколько стоят эти костюмы?

Чэн Фэнтай поразмыслил и ответил:

– По-моему, около тысячи...

---

<sup>28</sup> Труппа «Наньфу» (*кит. ##*) – «Южная резиденция» – труппа, состоящая из дворцовых евнухов, созданная при цинском императоре Цяньлуэне.

<sup>29</sup> «Грушевый сад» (*кит. ##*) – название придворной музыкальной труппы, основанной ещё императором Сюань-цзуном из династии Тан.

– Около тысячи! Да этого едва хватит на несколько жемчужин да золотых нитей! – Хозяин Ли с выражением муки на лице вытянул руку с четырьмя пальцами и замахал перед лицом Чэн Фэнтая.

Чэн Фэнтай изумлённо рассмеялся:

– Это что за восходящая звезда? Тратит деньги похлеще моего.

– Он появился недавно, а уже именитый артист – Шан Сижуй. Второй господин наверняка знает его. – Хозяин Ли не нашёл торчащих ниток и, сложив платя в стопку, вернул их обратно в ящик.

– Шан Сижуй из Пинъяна? О да, уж я-то знаю! – сказал Чэн Фэнтай и вздохнул. – Ну и времена пошли: те, кто трудится в поте лица, и на кусок хлеба не в силах заработать, а уличные фокусники, которые выступают на сцене, купаются в деньгах!

Хозяин Ли бросил на него взгляд и подумал: скажи об этом нищий человек, который занимается тяжёлым трудом, ещё куда ни шло, но ты-то, Чэн Фэнтай, постыдился бы вздыхать о нынешних временах! Благодаря сумятице и отсутствию порядка, воцарившимся сейчас, ты, воспользовавшись всеобщей суматохой, смог нажить такое состояние нечестным путём. Он рассмеялся:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.